

— Московский
Детектив —

**Мария
БРИКЕР**

**КОЛЛЕКЦИОНЕР
ЗАКРЫТЫХ
КНИГ**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Разработка серийного оформления *А. Дурасова*

Использована иллюстрация *А. Дурасова*

Брикер, Мария.

Б87 Коллекционер закрытых книг : [роман] /
Мария Брикер. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 320 с. — (Московский детектив).

ISBN 978-5-04-092316-8

Она просыпалась в холодном поту от собственного крика и потом долго не могла уснуть — завернувшись во влажную простыню, смотрела на низкие звезды и пыталась стереть из памяти остатки кошмара. Его виновницей стала красивая рыжеволосая девушка, которая упала на камни с высокой скалы и разбилась прямо на ее глазах. Все произошло быстро и нелепо! Сначала был шок и удивление, потом пришло осознание, насколько жизнь хрупка... Когда Эмма это поняла, в ее сердце поселился страх, превративший жизнь девушки в ад. Она даже поступила на психфак, надеясь справиться со своими фобиями и помогать другим, но выбраться из пропасти самостоятельно никак не получалось. Так Эмма оказалась в салоне модной столичной целительницы — матушки Кассиопеи — и... с ужасом узнала в ней погибшую девушку!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092316-8

© Брикер М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Настоящая история является вымыслом от начала до конца. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение фамилий и имен героев.

Страх — болезнь, расслабляющая душу, как расслабляет тело физический недуг.

Даниэль Дефо

Пролог

Она зачерпнула ладонями изумрудную воду и принялась. Ей нравилось улавливать настроение моря. Вчера оно сердилось и пахло ветром, йодом. Сегодня — теплыми ракушками и можжевельником, потому что успокоилось, разнежилось. Но могло и закапризничать в любой момент. Умывшись прохладной водой, она села на берегу и с опаской обернулась. Извилистая тропинка терялась в гуще пестрых деревьев и была пустынна. Зря она паникует. Все заняты на съемках, никто сюда не придет. По крайней мере, в ближайший час. Она торопливо сорвала широкополую шляпку, заправила за уши длинные каштановые кудряшки и растянулась на теплой гальке, жмурясь от солнца и шепча:

— Я немножко, совсем чуть-чуть... Никто не увидит...

Но расслабиться никак не получалось. Воображение рисовало злую физиономию Гольянова. Вредный режиссер строго-настроено запретил загорать. Какая досада, что по сценарию ей отведена роль анемичной болезненной девочки десяти лет. Пришлось постоянно мазать кожу толстым

слоем солнцезащитного крема, носить закрытую одежду, прятаться под пошлыми ажурными зонтиками и глупыми шляпами, торчать на закрытой веранде или в саду, в тени виноградников и абрикосовых деревьев. Все лето быть рядом с морем и ни разу не поваляться на горячей гальке в купальнике — как это несправедливо! А ведь так приятно чувствовать солнце на щеках и обветренных губах!

Только возражать Гольянову бесполезно. Режиссер страшен в гневе. Довольно с нее подзатыльников за перепутанный текст и пендаля за дурной язык, от которого летела со свистом несколько метров, а потом, упав, все коленки расцарапала о камни. Обидно до жути! Что она такого сделала? Режиссер вдруг решил, что сцена на диком пляже выглядит недостаточно натуралистично, и попросил ее искупаться нагишом. В ответ она пошутила: ради искусства готова на все, но очень сильно сомневается, что эпизод с ее обнаженной натурой украсит картину. Кому интересно смотреть на плоскогрудую девочку без трусов? Гольянов отчего-то воспринял шутку как личное оскорбление. Орал так, что распугал птиц и зевак с пляжа, потом отправил раздеваться. Желание шутить пропало.

Она в самом деле была готова на все, но вовсе не ради искусства, а ради мамы, которая строго наказала во всем слушаться Гольянова. Родительница мечтала, что ее бестолковая глупая дочь сделает в своей непутевой жизни хоть что-то хорошее. Надежду мамы хотелось оправдать, но стоять обнаженной перед другими людьми было неловко и страшно, тряслись руки и коленки. Она сутулилась, пыталась прикрыть грудь воло-

сами, никак не могла войти в роль. Гольянов злился, вопил и продолжал над ней издеваться, снимая дубль за дублем. Лучше бы вместо ора убрал лишних людей со съемочной площадки. Глупый бесчувственный чурбан!

Ну да, ее героине по сценарию десять лет, а самой-то ей уже двенадцать с половиной. Роль маленькой девочки досталась ей из-за чрезмерной худобы, невысокого роста и природной робости, но она уже полгода официально девушка, и грудь у нее болит, а в душе бушуют совсем не детские страсти. Взрослые проблемы поселились внутри ее детского тела месяц назад. Она утащила у одной из актрис книгу Стефана Цвейга, погрузилась в новеллы о любви и испытала такие необычные чувства, что чуть с ума не сошла от стыда. Тело вело себя так странно! Оно словно проснулось и рассказало, какие удивительные секреты хранит в себе. Большое спасибо! Лучше бы молчало, потому что теперь совершенно непонятно, как дальше жить и что теперь со всем этим добром делать.

Гольянов не был исключением. Все остальные тоже считали ее малолеткой и обращались с ней как с дитем неразумным. Обсудить сделанные открытия оказалось решительно не с кем. Она чувствовала себя одинокой, и в редкие свободные минуты сбегала сюда, на дикий пляж, чтобы рассказать свои секреты морю. Море понимало ее с полуслова и утешало шепотом волн.

Вспомнив неприятный эпизод с наказанием, она вновь ощутила тревогу и потянулась за шляпкой, но рука, не добравшись до головного убора, безвольно замерла на полпути. Расставаться с солнцем не хотелось. Еще чуть-чуть...

совсем немножко... Съемки фильма почти подошли к концу, сентябрьское солнце побледнело на фоне ярких осенних красок, обветрилось, стало ласковым, как котенок, вполне возможно позволить себе немного позагорать! В конце концов, даже ее анемичная героиня, вынужденная из-за гадов-сценаристов сидеть дома, читать книжки и беседовать на философские темы с занудным соседом, просто не могла не загореть, проведя целое лето в Крыму.

Щеки запылали, юная актриса села и недовольно нахлобучила на голову шляпу. Изнеженная тенью кожа отвыкла от солнечных лучей. Не дай бог, нос обгорит. Тогда Гольянов ее приберет и скажет, что так и было.

Море, словно почувствовав перемену настроения девочки, заволновалось. Ветер брызнул в лицо соленой водой, резко похолодало. По коже поползли гадкие мурашки. Она приблизила к глазам руку, пристально разглядывая мелкие прыпырышки и вставший светлый пушок. Когда ее охватывал страх, мурашки тоже оживали и неприятно ползали по рукам. Причем в последнее время оживали все чаще. Особенно по ночам. Она просыпалась в холодном поту от собственного крика, а потом долго не могла уснуть, тряслась от озноба, завернувшись во влажную простыню, смотрела на низкие звезды и пыталась стереть из памяти остатки кошмара.

Виновницей кошмаров стала красивая рыжеволосая девушка, которая на ее глазах упала на камни со скалы и разбилась. Все произошло так быстро и нелепо. Сначала были шок и удивление. Потом пришло осознание, насколько хрупка жизнь и что с каждым в любой момент может

приключиться несчастье. Даже здесь, в волшебной стране, где ультрамариновое море каждый день целуется с солнцем, где кипарисовые шпили протыкают белоснежную вату облаков и сосны похожи на сказочных великанов, где смоковница с глухим стуком роняет сочные плоды прямо на крыши дачных домиков, а густой воздух пахнет хвоей, пряными травами и медом. Здесь, в этой сказочной стране, оказывается, тоже можно умереть! Когда она это поняла, в сердце поселился страх.

За спиной послышалось шуршание гальки, и девочка резко обернулась. В нескольких шагах стоял красивый загорелый мужчина.

— Здравствуй, солнце! — сказал он и присел без разрешения рядом, как старый знакомый.

Его темные волосы блестели на солнце, глаза отражали цвет осеннего моря, а пахло от него мускусом, кедровыми орешками и солью. Некоторое время мужчина беззастенчиво рассматривал ее, потом достал из кармана округлое стеклышко, протянул его ей на ладони и серьезно произнес:

— Это тебе! Кусочек счастья.

Она взяла свой кусочек счастья и посмотрела сквозь него на солнце — небо, облака и ее душа окрасились в оранжевый цвет, внутри стало тепло, и мурашки куда-то исчезли.

Глава 1

ДЕВУШКА-ЛЮБОВЬ

*Пять лет спустя, наши дни
Москва, март*

«Москва — кошмарная архитектурная какофония», — подумал Варламов, остановившись у бронзового Энгельса, обреченного вечно смотреть на храм Христа Спасителя.

— Поделом тебе, — сказал Иван Аркадьевич памятнику и, распугав тростью стайку воркующих на площади голубей, заспешил к перекрестку.

Весна набирала обороты, хрустела под ногами скользкими лужицами, рыхлила сугробы, брызгала в прохожих талой водой. Щедро брызгала, и Варламов поморщился, глядя на заляпанные грязью ботинки и подол длинного кашемирового пальто. Давненько он не был в Москве. Забыл, что в это время года чистить обувь перед выходом на улицу бессмысленно. Впрочем, неважно. Не на свидание ведь с женщиной идет — Господу все едино.

Полтора года он мечтал оказаться здесь, войти в двери храма Христа Спасителя, зажечь мягкую восковую свечу и покаяться во всех грехах, что тяжким грузом давили на сердце. В Копенгагене, где режиссер жил последние несколько лет, покаяться было решительно негде. Католические соборы, прохладные и гулкие, воспринимались как

городские достопримечательности. Готические своды, витражные окна, фрески, каменные изваяния оставляли сердце равнодушным и не дарили надежду на спасение души. Не тянуло его и в православный приход в датской столице, в церковь Александра Невского. Для покаяния Ивану Аркадьевичу нужно было ощутить себя дома, а Копенгаген родным так и не стал.

Храм Христа Спасителя снился ему во сне, манил, тревожил мелодичным перезвоном колоколов, но режиссер медлил с возвращением. Страшно было окончательно признать, что он, отомстив за смерть любимой женщины, совершил грех¹. Месть не приносит облегчения, а лишь испепеляет душу. Он осознал это давно, но упрямо шел неверной дорогой и пытался искупить свою вину, налаживая чужие жизни и делая других счастливыми. Радость от удачи очередного реалити-шоу, воплощенного в жизнь по его сценарию, приносила лишь временное облегчение, потом душу снова грызла боль, и Варламов все глубже увязал в болоте отчаяния. Он все делал неправильно! В итоге потерял женщину, с которой мечтал создать семью. В Леночке, Елене Петровне Зотовой, он видел надежду на уютное счастье, но та не приняла правила его игры и выставила вон из своей кристальной жизни. «Права, да, права была Лена. Играть человеческими судьбами непозволительно даже во благо», — рассуждал он сейчас, щурясь от солнечного света. Что ж, пришла пора все исправить. Господь милосерден — простит, ведь он искренне раскаялся.

¹ Читайте об этом в романе Марии Брикер «Мятный шоколад», издательство «Эксмо».

Варламов остановился у светофора, пропуская поток машин и заворуженно глядя на игру золота и солнца на куполах храма. До спасения оставалось всего несколько метров. Сердце отчаянно забилося от волнения. Загорелся зеленый, Иван Аркадьевич торопливо ступил на проезжую часть, сделал пару шагов, но неведомая сила отшвырнула его обратно на тротуар.

— Ой, простите, ради бога! Простите, пожалуйста! Задумалась... — пролепетала невысокая хрупкая девушка, которая секунду назад впечаталась носом ему в грудь.

Варламов вытаращился на незнакомку и пошатнулся от нахлынувших воспоминаний. Перед ним, робко улыбаясь, стояла ЛЮБОВЬ. Та любовь, из-за которой он стал великим грешником. Та любовь...

Та любовь — нескладная, угловатая, невыносимо милая — была мучительно юной и недоступной. Носила клетчатые юбочки-плиссе, вязаные свитера под горло, длинные каштановые кудряшки, берет и нелепые очки. Постоянно засыпала в трамвае по дороге в институт. Теряла зонтики, перчатки и ключи. Любила сказки Андерсена, стихи Манделъштама и Бродского, клубничный блеск для губ, теплое молоко на ночь и Ванессу Мэй. Он трусливо сбежал от нее, но незримо опекал издалека.

Прошли годы. Однажды она решила поехать к родителям за город, неудачно поймала попутку, поссорилась с водителем и оказалась одна на шоссе. Ее нашли под утро. Рядом с телом — мятый чек с соседней заправочной станции, следы от ботинок на подмерзшей земле, на дороге — следы протекторов шин.

Он подключил лучших профессионалов и свое воображение, чтобы детально воссоздать произошедшее, найти убийцу и отомстить.

Отомстил. И превратил свою жизнь в ад...

Девушка неуклюже поправила съехавший набекрень берет, присела, схватила оброненную перчатку, страхнула с нее грязную воду на пальто режиссера, неловко сунула в карман — и выронила книгу.

Варламов поднял с мокрого асфальта глянцевый томик, с удивлением взглянул на обложку (Эрик Берн, «Вступление в психоанализ») и передал задумчивой барышне.

— Благодарю, — кивнула девушка, неловко приняла книгу, сунула под мышку и засеменила в сторону станции метро.

Иван Аркадьевич проводил взглядом хрупкую фигурку, кинул взор на сверкающие купола храма Христа Спасителя и торопливо пошел вслед за девушкой, боясь упустить ее из вида. О своем спасении он позаботится чуть позже, сейчас главное — ОНА. Не случайно Господь столкнул его нос к носу с прошлым. Это знак свыше и шанс не молитвой, а делом исправить свои прошлые ошибки.

В вестибюле станции оказалось так многолюдно, что с непривычки у режиссера закружилась голова. В метро он не был лет двести, передвигаясь по городу исключительно на арендованной машине с шофером. Незнакомые лица, знакомые запахи, суета, суета, суета... Варламов шарил взглядом по толпе, но девушки нигде не было. В отчаянии он бросился к турникетам, сунув бдительной контролерше сто рублей, бегом спустился вниз. С момента, как он упустил незна-

комку, прошла минута, не больше, на перроне клубился народ. Уехать она не могла, но словно растворилась в воздухе.

Прогрохотали поезда и унесли пассажиров, станция заполнилась новыми, а Иван Аркадьевич все стоял и выискивал в толпе хрупкую фигурку. От ощущения потери чего-то судьбоносного заныло сердце и стало трудно дышать.

Спустя пятнадцать минут, поняв бессмысленность ожидания, Варламов поднялся на эскалаторе наверх и вышел на улицу. Март дохнул в лицо тоскливой безнадежностью и выхлопами проезжающих машин. Навалилась апатия. В храм идти с таким настроением не хотелось, ехать в ненавистный отель подавно. Гостиницы режиссер терпеть не мог, съемные квартиры тем более — чужая энергетика мешала расслабиться. Мелькнула мысль напроситься в гости к Лене. Зотова, конечно, вредная женщина, но сердобольная. Полтора года прошло, она, поди, забыла обиды и примет как друга.

Размышляя, в какой супермаркет лучше заглянуть, чтобы забить вечно пустой холодильник несостоявшейся жены деликатесами, Иван Аркадьевич побрел по Гоголевскому бульвару в сторону Знаменки, где его дожидалась машина с водителем. Но не дошел. Остановился, не веря своим глазам. Незнакомка с несчастным видом сидела на лавке, недалеко от памятника Гоголю, щурилась от солнечных лучей и меланхолично потрошила батон хлеба, корочки отправляла себе в рот, сдобную мякоть — ошалевшим от счастья голубям.

Как же так получилось, что барышня оказалась на улице? Вероятно, когда режиссер вошел в

двери подземки, она вышла из метро на улицу. Передумала ехать? Решила прогуляться? Или телефонный звонок изменил ее планы? Варламову все было о ней интересно.

Иван Аркадьевич опустил на соседнюю лавку и вздохнул с облегчением. Господь дал ему еще один шанс! Ну уж больше он не выпустит девушку из вида. По крайней мере, в ближайшие несколько недель, которые режиссер отвел на сбор материала, полный анализ характера и окружения объекта, написание сценария и воплощение его в жизнь.

Варламов, украдкой разглядывая милый профиль незнакомки, тонкие кисти и музыкальные пальчики, пытался угадать ее имя. Катя, Люся, Ксюша, Настя? Кристина, Диана, Полина? Валя, Ира, Маша? Он перебрал мысленно массу имен, но ни одно к девчонке не прилипло. Все отскакивали от образа, как шарики пинг-понга. Без сомнения, у этой особенной девушки нетривиальное имя, но «поймать» его не получалось. Зато получилось другое. Сейчас, когда он рассмотрел незнакомку, откинув мысли о прошлом, стало очевидным: на его давнюю платоническую любовь барышня походит лишь отдаленно. Но интереса к ней Варламов не потерял. Напротив, еще больше загорелся идеей изменить ее жизнь. Даже издали чувствовался надлом в душе прелестной девушки, словно она оступилась и теперь падала в пропасть. Иван Аркадьевич решил все исправить и крепко поставить ее на землю.

— Эмма! — раздался рядом звонкий женский голос.

Мимо режиссера к памятнику Гоголя, звеня браслетами и серьгами, шагала дама в сиреневых